

А. Газо

**Шуты и скоморохи всех
времен и народов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Газо**
Шуты и скоморохи всех времен и народов / А. Газо – М.: Книга по Требованию,
2014. – 318 с.

ISBN 978-5-517-97687-1

ISBN 978-5-517-97687-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

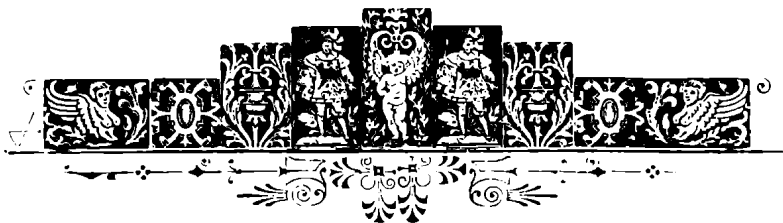
www.samizday.ru/reprint

(Король забавляется). Конечно, шутамъ никогда не удавалось дорости до этого героя. Но уже достаточно и того, что они, время отъ времени, стояли за правду и за справедливость и потому-то исторіи и упоминаетъ о ихъ именахъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Мы, въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ, хотимъ представить на судъ читателей исторію шутчества, начиная съ грековъ и римлянъ; мы будемъ говорить о тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало возбуждать вокругъ себя смѣхъ своими шутками, островами и фиглярствомъ; были-ли то домашніе шуты или придворные или наконецъ шутовскія корпораціи. Эти люди представляютъ, въ общей совокупности время и народовъ, явленіе столь характерное въ историческомъ смыслѣ, что намъ слѣдуетъ подробнѣе разобрать его въ цѣломъ рядѣ эпохъ и народностей, въ томъ числѣ и въ русской, такъ какъ у насъ, въ Россіи, шутчество имѣетъ не только общую историческую основу, но и свою народную окраску, довольно рѣзкую и отличительную, какъ и все прочія стороны нашей исторіи. Было бы излишне указывать здѣсь, въ чемъ именно сказывается эта національная окраска, какъ въ отношеніи Россіи, такъ и каждой въ отдѣльности изъ всехъ прочихъ народностей культурнаго запада, полудикаго Кавказа и дальняго востока; изъ самаго изложенія, изъ общихъ характеристическихъ особенностей исторіи той или другой народности, читатель гораздо ярче и обстоятельнѣе увидитъ

отличительныя черты шутовства въ той или иной странѣ, въ ту или иную эпоху.

Въ заключеніе мы укажемъ, что кромѣ перевода книги Газо «Les bouffons,» мы заимствовали нѣкоторыя дополненія къ нашему труду изъ Сборника «Кирши Данилова, изъ книги «Скоморохи на Руси» Ал. С. Фаминцына, изъ статьи П. П. помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1888 годъ и др.





ПРИДВОРНЫЕ ШУТЫ И СКОМОРОХИ

I.

Значеніе и происхожденіе слова «bouffon» (шутъ).— Домашніе шуты въ древности.—Застольные шуты.—Паразиты.—Ареталоджи (Aretalogi).—Философы. стоики и циники.—Шуты.—Эзопъ.

„Буффонъ,—говоритъ Фуртьеръ *), въ своемъ всеобщемъ словарѣ, — „это комедіантъ или шутъ, развлекающій публлку своимъ остроуміемъ или шутками, ради приобрѣтенія денегъ. Такое-же названіе относится и ко всѣмъ тѣмъ людямъ, которые любятъ пошутить и посмѣяться, увлекая другихъ своею веселостью и возбуждая всеобщій смѣхъ. Это такое качество, — представляетъ составитель словаря — „которое, во многихъ отношеніяхъ, можно считать весьма цѣннымъ“.

Что-же касается до происхожденія слова буффонъ (bouffon), то Фуртьеръ, пользовавшійся „Этимологическимъ Словаремъ Менажа“, говоритъ, что нѣкоторые производятъ это слово отъ праздника, установленнаго въ Атикѣ царемъ Эрехтеемъ. Одинъ жрецъ, по имени Буффо, принесъ въ жертву перваго быка на

) Фуртьеръ жилъ въ XVII, ст. (1620—1688); онъ составилъ словарь, послѣ изданія котораго лишился званія академѣка. Этого ученаго обвиняли въ томъ, что онъ воспользовался трудами членовъ академіи и выдалъ словарь только подъ своимъ именемъ.

алтарь Юпитера Поліэнскаго или Градохранителя, убѣжалъ такъ быстро и такъ неожиданно что его не могли ни догнать, ни остановить; кромѣ того, онъ бросилъ на землѣ у жертвенника топоръ и другія орудія для жертвоприношенія; эти послѣднія были переданы въ руки судей; послѣ обыденнаго суда оказалось, что преступень былъ одинъ только топоръ, а другія орудія невинны; въ послѣдующіе за тѣмъ годы это жертвоприношеніе постоянно сопровождалось такимъ-же бѣгствомъ жреца и такимъ-же судомъ надъ топоромъ. Такъ какъ подобная церемонія имѣла совершенно шуточный тонъ, то съ этого времени и стали называть всякое шутовство и скоморошество „bouffonnerie“.

Вольтеръ, который привелъ этотъ анекдотъ въ своемъ „Философическомъ Словарѣ“, прибавляетъ, что этому анекдоту нельзя придавать большого значенія; но и мы тоже совершенно согласны съ Вольтеромъ; скорѣе можно повѣрить тому, что пишетъ Менажъ *) по Сомозу **); онъ производитъ французское слово „bouffon“ отъ средневѣковаго латинскаго слова buffo. Такъ обыкновенно называли шутовъ, которые выходили на сцену съ надутыми щеками; когда такимъ шутамъ давали пощечины, то удары раздавались очень звонко и возбуждали въ зрителяхъ громкій смѣхъ. Иераръ Жанъ Воссіусъ *) писалъ въ своемъ „Этимологическомъ Словарѣ“, что французское

*) Менажъ былъ современникъ Фуртьера.

**) Сомозъ. Комментарій на книгу Тертюльена. озаглавленную „De Pallio“ стр. 298. Сомозъ такъ же, какъ и Казобонъ считался первымъ ученымъ семнадцатаго вѣка; хотя оба они были протестантскаго вѣроисповѣданія, но это нисколько не мѣшало католическимъ государямъ приглашать ихъ къ своимъ дворамъ.

***) Иераръ Жанъ Воссіусъ былъ родомъ нѣмецъ и также современникъ Менажа и Фуртьера. Онъ оставилъ много сочиненій; его сынъ Исаакъ Воссіусъ также считался извѣстнымъ ученымъ и даже нѣсколько затмилъ славу своего отца.

слово „bouffé“ означает надуваться или вбирать въ себя воздухъ; поэтому и говорятъ напыщенный человекъ про гордеца, что означаетъ, что онъ надутъ гордостью, высокомеріемъ. По словамъ Литтрэ *) еще до сихъ поръ существуетъ во французскомъ языкѣ слово „bouffé“ въ смыслѣ надутъ лицо и показать этимъ, что находятся въ дурномъ расположеніи духа.



Шуты и скоморохи появлялись во времена самой глубокой древности; они встрѣчаются не только среди обыкновенныхъ смертныхъ, но и среди боговъ, населявшихъ древній Олимпъ. Эразмъ **) въ своей замѣчательной книгѣ „Похвала Глупости“ рассказываетъ намъ, какъ боги Олимпа любили развлекаться, во время своихъ пиршествъ, выходками и шутками другихъ боговъ.

Шутъ (рисунокъ Гольбейна). Изъ книги Эразма «Похвала Глупости».

Такъ, напримѣръ, Меркурій забавлялъ и смѣшилъ всѣхъ своими проказами и продѣлками. Вулканъ своими дурачествами и шутловствомъ возбуждалъ громкій смѣхъ безсмертныхъ обитателей Олимпа во время ихъ

*) См. Литтрэ «Dictionnaire de la langue française» слово Bouffé, т. I, стр. 385, 1-ый столбецъ

**) Иногда Эразма называли Вольтеромъ XVI вѣка. Дѣйствительно, это былъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ и самыхъ умныхъ людей своего времени, однимъ изъ выдающихся писателей той эпохи. Левъ X, Генрихъ VIII, Францискъ I и Карлъ V старались наперывъ привлечь его къ своимъ дворамъ; но онъ отказывался отъ самыхъ блестящихъ предложеній, желая сохранить совершенно независимое положеніе; онъ объѣздилъ большую часть Европы и наконецъ поселился у своего друга Мартина Фробена, извѣстнаго типографщика въ Базель.

пиршествъ. А какъ смѣшала всѣхъ Силень своею пляскою! *) Поллфэмъ своимъ уморительными и тяжеловѣсными движеніями въ то время, какъ нимфы едва касались пола кончиками своихъ носковъ. Панъ смѣшала всѣхъ своимъ глупыми пѣснями; его, предпочитали мѹзамъ, въ особенности, когда нектаръ разгорячалъ мозги боговъ“.

Если мы спустимся съ Олимпа на землю, то увидимъ, что и смертные брали примѣръ съ безсмертныхъ. Вельможи и богатые люди, еще въ самой глубокой древности, держали при себѣ „несчастныхъ созданій“, обиженныхъ природою въ нравственномъ или въ физическомъ отношеніи; иногда это были совершенно помѣшанные или безобразные карлики и карлицы, горбуны и горбуницы; ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы смѣшить и развлекать своихъ повелителей, а иногда и предсказывать имъ будущее и волю боговъ. Въ древности смотрѣли на безуміе, какъ на нѣчто сверхъестественное. Иппократъ считалъ безуміе вдохновеніемъ свыше: **). Вообще, въ то время думали, что безумные могутъ быть хорошими оракулами и безошибочно предсказывать будущее. Въ средніе вѣка было распространено такое же мнѣніе; мы встрѣчаемъ такую же мысль у многихъ писателей Ренессанса. Когда Панургъ хотѣлъ узнать, слѣдуетъ-ли ему жениться и будетъ-ли онъ счастливъ въ супружествѣ, то онъ созвалъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ сивиллъ и нѣмыхъ, монаховъ и врачей и, наконецъ, знаменитаго философа Труцильогана; но Панургъ не

*) Онъ исполнялъ особый родъ пляски, называемый тогда х, изображая при этомъ движенія инянаго раба

**) Иппократъ, отецъ медицины, довелъ свое искусство до того, что прожилъ сто лѣтъ (460—360). Ему принадлежитъ методъ наблюденія въ медицинской наукѣ.

былъ удовлетворенъ полученными отвѣтами и Пантагриэль посовѣтовалъ ему обратиться къ какому нибудь юридивому *). „Мнѣ часто приходилось слышать пословицу, что безумный нерѣдко научаетъ мудраго. Если отвѣты мудраго васъ не удовлетворяютъ, то обратитесь къ безумному. Вамъ извѣстно, что, благодаря совѣтамъ, наставленіямъ и прорицаніямъ юридивыхъ, спаслось не мало царей, королевъ и государствъ; благодаря ихъ предсказаніямъ, было выиграно много сраженій и сколько избѣгнуто несчастій. Мнѣ кажется что даже не стоитъ приводить вамъ и примѣровъ, они у всѣхъ твердо сохранились въ памяти.“

Обычай содержать въ домахъ *юродивыхъ шутовъ* и *уродовъ* ведетъ свое начало изъ самой глубокой древности; мы встрѣчаемъ этотъ обычай и въ Азіи, какъ на примѣръ, у персовъ (въ Сузѣ и въ Экбатанѣ), а также и въ Африкѣ у египтянъ; на фрескахъ, украшающихъ гробницы древнихъ фараоновъ, мы видимъ изображенія богатыхъ египтянъ, окруженныхъ многочисленною свитою, состоящею изъ уродовъ, шутовъ и людей наряженныхъ въ странныя шутовскіе костюмы. Съ востока этотъ обычай перешелъ въ Грецію, а оттуда въ Римъ. Въ особенности, присутствіе шута считалось необходимымъ во время пира; если во время какого нибудь праздника не было балагура, то такое празднество считалось неполнымъ. Эти балагуры и шуты часто занимали мѣста тѣхъ прежнихъ рапсодовъ или пѣвцовъ, какъ *Θεμίуса* на островѣ *Итакѣ* или *Домедокуса* у *Θεακцинеевъ*. Послѣ плясуновъ, фокусниковъ, акробатовъ, ученыхъ обезьянъ, эквилибристовъ, являлись шуты, которыхъ собственно называли *гелотопуаи* (смѣхотворы). Эразмъ въ своей „*Похвалѣ Глупости*“ описываетъ намъ обычай своихъ со-

*) Пантагриэль. книга III. глава XXXVII.

временниковъ; многіе изъ этихъ обычаевъ были заимствованы у древнихъ; Эразмъ говоритъ, что всѣ празднества были-бы очень скучны и однообразны, если-бы тутъ не было-бы „Глупости“, которая часто проявлялась въ лицѣ кого либо изъ современниковъ, а за немѣніемъ такового, нанимали шута или приглашали какого-либо паразита. Такой паразитъ, о которомъ упоминаетъ Эразмъ, нисколько не отличался отъ профессиональных шутовъ. Правда, его сажали за одинъ столъ съ хозяевами и ихъ гостями, но только съ условіемъ, чтобы онъ былъ постоянно въ веселомъ настроеніи духа, возбуждалъ бы смѣхъ, не обижался бы за оскорбленія, которыми его не щадили и съ улыбкой на лицѣ принималъ-бы удары брошенныхъ въ него кубковъ и чарокъ, когда, разгоряченные виномъ, гости придутъ въ азартъ и не будутъ помнить что они дѣлаютъ. Богатые римляне постоянно приглашали къ своему столу такого паразита, такъ какъ хорошо знали ему цѣну

Однако, названіе „паразитъ“ не всегда было въ презрѣніи у людей; это слово, собственно, означало „гость“; первоначально оно примѣнялось къ тѣмъ жрецамъ, которые принимали участіе въ священннхъ пиршествахъ при храмахъ; далѣе въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ называли *паразитами* такихъ гостей, которыхъ обязательно приглашали къ столу главныхъ правителей города. Но въ Римѣ паразиты упали очень низко; такихъ людей обыкновенно приглашали богачи для развлечения своихъ гостей. Слово паразитъ означало дармоѣда и лизоблуда, который платилъ за гостепримство шутовскими выходками и умѣянемъ потѣшать гостей и возбуждать въ нихъ смѣхъ и веселье. Вотъ какимъ образомъ, паразиты дошли до такого унижительнаго положенія. Конечно, видна большая разница между паразитомъ-жрецомъ, участвовавшимъ въ пиршествахъ послѣ жертвоприношеній и тѣмъ римскимъ паразитомъ,

котораго описываетъ Луканъ *), философъ - скептикъ, жившій во II вѣкѣ по Р. Х., въ своемъ „Паразитѣ“. Вотъ что пишетъ названный философъ:

„Паразитъ не заботится о философскихъ вопросахъ, ему до нихъ нѣтъ никакого дѣла, онъ не думаетъ вовсе и о томъ, кто управляетъ міромъ, такъ какъ и къ этому относится совершенно равнодушно; онъ убѣжденъ, что на бѣломъ свѣтѣ все идетъ прекрасно и едва-ли можетъ идти лучше,—онъ пьетъ, ѣстъ и веселится, наслаждаясь всѣми благами жизни: ночью его не тревожатъ дурныя сновидѣнія, такъ какъ днемъ у него нѣтъ никакихъ заботъ, то, конечно, нѣтъ ихъ и ночью“.

Часто паразиты и шуты замѣнялись философами, которые, не смотря на свою громкую кличку, играли не лучшую роль, чѣмъ тѣ-же шуты, такъ какъ въ сущности, они и были ими. Эти мнимые жрецы мудрости носили странное названіе *аретологовъ*. Эд. Салио и Ш. Дарембергъ въ своемъ замѣчательномъ „Словарѣ Древностей“, говорятъ, что *аретологи*—это были особаго разряда скомоорохи, которыхъ римляне приглашали къ себѣ для развлеченія; они должны были потѣшать присутствующихъ длинными рѣчами, представлявшими странную смѣсь философскихъ сентенцій и плоскихъ шутокъ. Быть можетъ, такое прозвище давалось и обѣднѣвшимъ философамъ, которые спустились до роли шутовъ. Манеонъ**), называетъ *аретологіею* обсурдныя рѣчи *морологийевъ* или рассказчиковъ разнаго вздора и плоскостей. Светоній въ своемъ „Жизнеописаніи Августа“ говоритъ, что

*) Луканъ проповѣдывалъ всеобщій скептицизмъ и въ своихъ сочиненіяхъ, исполненныхъ остроумія и юмора, старался побороть пороки своихъ современниковъ.

**) Манеонъ былъ греческій жрецъ, жившій за 200 лѣтъ до Р. Х. въ царствованіе Птолемея Филадельфа; онъ написалъ на греческомъ языкѣ «Всеобщую Исторію Египта», изъ которой сохранились нѣкоторые отрывки въ греческихъ лѣтописяхъ.

этотъ императоръ любилъ окружать себя во время пиршествъ аретологами. Форчеллини рассказываетъ, что аретологи были бѣдные философы стоики или циники, у которыхъ не было ни школы, ни учениковъ; они обыкновенно посѣщали пиры богачей и занимали гостей забавными спорами о порокахъ и добродѣтели.

Конечно, умному человѣку или даже просто какому нибудь опытному шуту нетрудно было осмѣять ученіе стоиковъ и циниковъ. Извѣстно, что даже Циперонъ въ одной изъ своихъ рѣчей (рго Мигена), желая осмѣять Катона Утическаго, примкнувшаго къ сектѣ стоиковъ, далъ намъ хотя и остроумный, но жестокий примѣръ того, какъ легко представить въ смѣшномъ и въ искаженномъ видѣ идеи Зенона. Нѣкогда жилъ гениальный человѣкъ, по имени Зенонъ, его послѣдователи назывались стоиками. Вотъ нѣкоторые изъ его догматовъ и его принциповъ: „Мудрецъ не знаетъ милости и ничего не прощаетъ. Состраданіе, снисходительность не болѣе какъ легкомысліе и глупость; человѣкъ не достоинъ своего назначенія, если его можетъ что либо тронуть или поколебать. Только одинъ мудрецъ можетъ быть прекрасенъ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ уродливъ; если онъ и живетъ въ бѣдности, то онъ все же богатъ; если онъ и живетъ въ рабствѣ, то все же онъ царь. На тѣхъ, которые не-философы, смотрятъ, какъ на бѣжавшихъ рабовъ, изгнанниковъ, враговъ, безумныхъ. Всѣ грѣхи совершенно одинаковы; всякая погрѣшность уже есть преступленіе; убить своего отца не составляетъ большаго преступленія, чѣмъ зарѣзать курицу безъ всякой необходимости. Мудрецъ никогда ни въ чемъ не сомнѣвается, никогда не раскаивается, никогда не ошибается, никогда не измѣняетъ своего мнѣнія“

Что-же касается до циниковъ, то имъ легко было возбудить всеобщій смѣхъ, когда они являлись на веселое пиршество среди статуи, цвѣтовъ со своими растре-